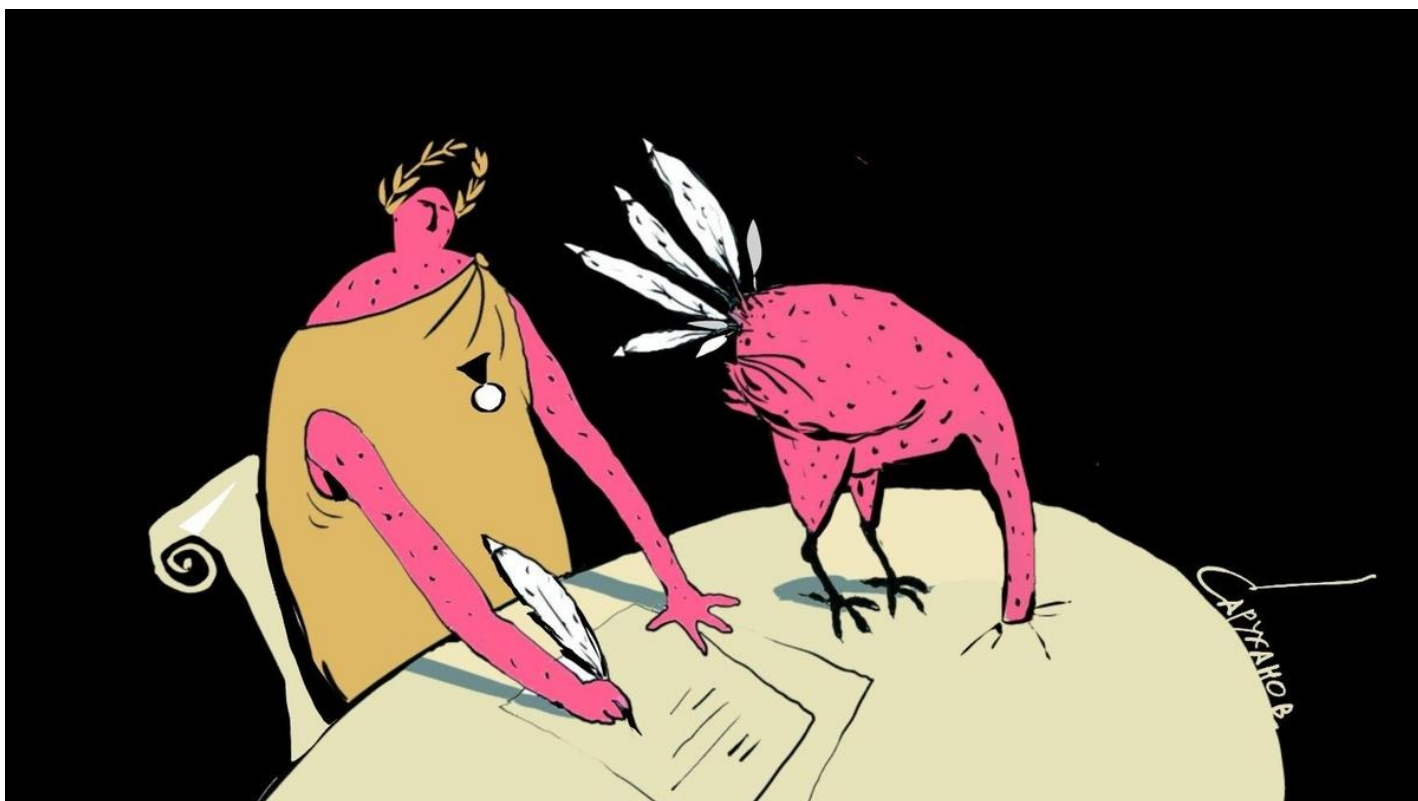

Усталый РАПП

Плохая новость для «Союза 24 февраля»: даже власть не любит особенно усердных сервилистов

Петр Саруханов / «Новая газета»

17:08, 23 апреля 2024,

Дмитрий Быков*

обозреватель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БЫКОВЫМ ДМИТРИЕМ
ЛЬВОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БЫКОВА ДМИТРИЯ ЛЬВОВИЧА.

РАПП в русской литературе был всегда. Просто в ней не всегда наличествовала эта красноречивая аббревиатура, присутствие которой в литературной политике 1920-х годов объясняется только полным отсутствием слуха у Авербаха и его присных. А так-то всегда находились желающие предложить себя власти в качестве новых опричников.

Граница ведь в литературе проходит не по линии «талант–бездарь»: среди так называемых зетанутых есть люди с зачатками таланта, просто они этим талантом так распорядились, что он постепенно иссяк. Там и не было ничего экстраординарного — как сказал один из русских поэтов, весьма подверженных ресентименту, «хоть с небольшой, но ухватистой силою». Они все были ребята ухватистые, но не гениальные, почему и перехитрили сами себя. А так-то я помогал многим из них вполне искренне, за что они меня так же искренне и ненавидят.

Эмблема недавно образованного так называемого «Патриотического движения литераторов "Союз 24 февраля"»

СПРАВКА

«Союз 24 февраля» —

в его состав вошли «патриотически» настроенные писатели, поэты, критики, «Союз» был создан 24 февраля 2024 года. Возможно, вы знаете кого-то из подписавших: Олег Демидов, Анна Долгарева, Игорь Караулов, Алексей Колобродов, Павел Крусанов, Вадим Левенталь, Игорь Малышев, Дмитрий Мурзин, Даниэль Орлов, Алексей Остудин, Александр Пелевин, Андрей Рудалёв, Герман Садулаев и Дмитрий Филиппов.

Борцы начали с декларации, в которой характеризуют себя как авторов, «кто остался верен Родине и своему народу» — в отличие от тех, «кто активно продвигался, получал премии и награды, экранизировался, а ныне отрекся от своей страны и «либо открыто поддержал нашего военного противника, либо занял выжидающую позицию».

Писателей, занявших позицию государства, считают члены «Союза 24 февраля» недобитые либералы якобы третируют как наемных пропагандистов, «певцов войны», закрывая перед ними двери журналов и издательств.

«Союз 24» уверен, что теперь «государство имеет возможность четко заявить о своих интересах в литературе, <...> прекратить тратить средства на демонстративно политически нейтральные проекты в сфере литературы, не говоря о финансировании тех, кто занимается откровенным саботажем или культурной диверсией», и переключить свое внимание на истинных патриотов.

Кроме подкопа под «либералов» и тут же вспыхнувшей грызни в стане «союзников», движение на днях отметилось Открытым письмом, где предлагает перевести книжную индустрию и литературу в Министерство культуры.

Конечно, есть среди членов погромного **«Союза 24 февраля»** люди катастрофически бездарные, которых и свои не принимают всерьез, а я и подавно брезгую их упоминанием; но

отнюдь не все они таковы.

Граница проходит даже не по линии «патриот — либерал», и уж тем более не по степени популярности: среди зет-авторов встречаются успешные, но это не прибавляет им самоуверенности. Все они чувствуют себя вечно обиженными и страдают от того, что им еще отданы не все толстые журналы и не все их оппоненты выброшены из магазинов и библиотек. На обиженных, как известно, воду возят.

Граница проходит исключительно по линии терпимости к чужому присутствию в литературе. Одни хотят, чтобы там поддерживалась ситуация здоровой конкуренции — тогда виднее, кто чего стоит. Другие хотят прислониться к власти, сулят ей несколько даже избыточную, компрометирующую преданность — чтобы ее руками убрать всех соперников. Удивительно, что эти наивные люди не помнят участи всех своих бесчисленных предшественников.

Соблазн силен, подвергался ему и Маяковский со своими «Приказами по армии искусств» и откровенными доносами на более успешных драматургов; Луначарскому приходилось лично его окорачивать, напоминая, что революция совершилась не ради футуристов, и нечего навязывать пролетариату радикальный авангард в качестве повседневного меню.

Власть в своих вкусах не то чтобы консервативна, но как бы недалеко ушла от обывателя, который любит, чтобы живопись была похожей, роман — интересным, а спектакль — переживательным.

Главной ошибкой РАППов всегда было предлагать себя властям в качестве идеологического обеспечения с несколько даже избыточным сервилизмом, но власть совсем не хочет, чтобы ей служили. Она вполне обходится для самоутверждения репрессивным аппаратом, а пропаганды ей хватает в телевизоре.

Руководство РАПП слева направо А. П. Селивановский, М. В. Лузгин, Б. Иллеш, В. М. Киршон, Л. Л. Авербах, Ф. И. Панфёров, А. А. Фадеев, И. С. Макарьев. Конец 1920-х

Первым РАППовцем был Булгарин, которому за чрезмерное усердие в публичном доносительстве неоднократно мыли голову: власть вовсе не хотела ассоциироваться с ним, ей хотелось нагнуть Пушкина, а добровольное усердие «настоящего Выжигина» было ей неприятно.

РАПП подвергли сначала проработке, а потом репрессиям — случайно уцелел Афиногенов, самый из них одаренный и колеблющийся. При этом в рядах РАППа побывали вполне одаренные люди, включая Багрицкого, а Берггольц Авербахом искренне восхищалась и даже с ним спала, за что поплатилась арестом; но власти не нужен был РАПП, она предпочитала

попутчиков — А.Н. Толстого, Булгакова...

Над идейным Киршоном Сталин откровенно издевался: «Вчера смотрел вашу пьесу «Хлэб»... не помню! «Коварство и любовь» в четырнадцать лет смотрел — помню. А вашу пьесу... нэт!»

В семидесятые усердно подлизывалась «русская партия» во главе с комсомольским секретарем Сергеем Павловым: в первые ученики и литературные начальники лезли Анатолий Иванов, Геннадий Семанов, Валерий Ганичев — а опиралась эта власть все равно на Юлиана Семенова, не вылезавшего из-за границы, а любви домогалась от Аксенова... Можно было все прилавки завалить Софроновым и Грибачевым, а из рук в руки все равно передавали Солженицына, а читали все равно «Континент» и «Синтаксис», а слушали все равно Галича и Кима, Высоцкого и Окуджаву, а чрезмерно усердствовавшим антисемитам вроде Пикуля опять-таки делали публичные выговоры.

Это забавный парадокс: сама власть любит пусть не первоклассную, но хорошую и уж во всяком случае безыдейную литературу (как тот же Дзержинский и Троцкий — того же Есенина). РАПП имеет преимущественные шансы попасть под колесо, потому что с точки зрения литературной жалеть там особо нечего, а с точки зрения организационной власть не нуждается в альтернативных центрах принятия решений, где любят вдобавок забегать впереди паровоза. Она сама будет осуществлять культурную политику. Ей не нужны писатели, разделяющие ее убеждения, потому что в поведении этих писателей чересчур очевидна корысть: я тебя лизну, а ты меня вознеси! Ей нужны писатели, которых приятно и ненапряжно читать — и которые вдобавок способствуют лестной

идентификации, то есть позволяют уважать себя за хороший вкус.

Я убежден, что сегодняшняя российская элита втайне читает Акунина (признан «иноагентом») — точно так же, как цековская слушала Высоцкого. Парадоксальным образом громимые РАППом попутчики благополучно пережили всех РАППовцев, а диссиденты успешно вытеснили из литературы Софронова с Грибачевым. РАППовцы были всегда — не уверен, что будут, ибо в ближайшее время сама конструкция российской государственности изменится довольно радикально, — но невозможно сомневаться в том, что с лоялистами поступят по всей строгости кармы.

Власть — вот важная особенность, которой не понимают болгарины всех времен, — хочет себя уважать. А уважать себя за преданность бездарей и визгливый восторг стукачей решительно невозможно.

Другой Алексей Толстой — Константинович — отлично все понимал про этот отряд сервилистов: «Басманов последнею наглостью избавился от ожидавших его мучений».

Ведь литературный «Союз 24 февраля» — в этом его главная ошибка — никому не нужен: ни читателю, у которого все-таки сохраняется нюх на тухлятину, ни властям, которые справляются с репрессивной программой без подсказок со стороны добровольных ассистентов. Можно бесконечно ругать «Большую книгу» и все премиальные институты от «Лицея» до «Поэзии», но все мы помним, как нынешние зетанутые литераторы втирались в доверие к прежней литературной элите: это теперь СВО дала им шанс поддержать ее и вытеснить

всех остальных, а когда-то они без мыла лезли в первые ученики к совсем другим учителям.

Можно сколько угодно повторять мантру о том, что никто не любит предателей (любой модернист — предатель по определению, он всегда рвет с корнями и данностями), но на самом деле никто не любит доносчиков: «Доносчику первый кнут».

Сервилист хочет быть святее папы — а какому же папе это понравится?

Сервилист в промышленных количествах производит примитивные, предсказуемые лубки, утрачивая и те невеликие способности, за которые его когда-то почесывали более талантливые коллеги вроде меня, грешного. Сервилист хочет, чтобы его продавали во всех книжных магазинах и возили на встречи с читателями, а читатель хочет примерно того же, о чем говорил у Маяковского товарищ Победоносиков: «А я вас попрошу от имени всех рабочих и крестьян меня не будоражить. Подумаешь, будильник! Вы должны мне ласкать ухо, а не будоражить, ваше дело ласкать глаз, а не будоражить. Мы хотим отдохнуть после государственной и общественной деятельности. Назад, к классикам! Учитесь у величайших гениев проклятого прошлого».

Не повезло с народцем. Печалька. Впрочем, еще Игорь Стрелков, тоже пребывающий в местах не столь отдаленных, сетовал на то, что в его времена простые граждане Донбасса отнюдь не рвутся воевать, и приходится главную тяжесть СВО нести заезжим пассажирам.

Поэтому вопрос о том, как мы все будем уживаться в одной литературе, когда все это кончится, относится, по выражению

Набокова, «к области метафизики и юмора».

Все нынешние зет-активисты, военкоры и мастера доносительства еще до обрушения нынешнего режима неизбежно перегрызут друг друга, а уцелевшие будут перемолоты (точнее, утилизированы) той самой властью, к седалищу которой они так пылко стремились.

Нам предстоят упоительные зрелища — разборки патриотов, кто более патриотичен, и расправы над первыми учениками под тихое хихиканье молчаливых (этих молчаливых я, пожалуй, тоже не люблю. Не пошел же Булгаков на судилище над травившим его когда-то Киршоном). В истории литературы от нынешних зетов останется не больше, чем от Селивановского или Ермилова, который памятен сегодня исключительно тем, что на его переделкинской калитке было написано «Осторожно, злая собака!» — а снизу кто-то дописал: «и беспринципная».

Надо сказать, что и сам я не испытываю к ним никаких чувств: злости они не стоят, а на жалость пусть не рассчитывают. Лидия Гинзбург вспоминала, что в 1937 году Авербах боялся ночевать дома и прятался у Шкловского: «единственное место, где — он был уверен — его не станут искать». Я ни в каком отношении не Шкловский и ночевать пускаю только близких. Никакого злорадства, что вы. Как писала та же Гинзбург после постановления 23 апреля 1934 года: «Я не имею никаких иллюзий. Я пережила его ликвидацию бескорыстно, как удовольствие этического порядка».